

ДЖУЛИАНА ГРЕЙ
В ОБЪЯТИЯХ
ПРИНЦЕССЫ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44
Г79

Серия «Шарм» основана в 1994 году

Juliana Gray

HOW TO SCHOOL YOUR SCOUNDREL

Перевод с английского *А.Ф. Фроловой*

Компьютерный дизайн *Г.В. Смирновой*

*В оформлении обложки использована работа,
предоставленная агентством Fort Ross Inc.*

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
Janklow & Nesbit Associates
и Prava I Prevodi International Literary Agency.

Грей, Джулиана.

Г79 В объятиях принцессы : [роман] / Джулиана Грей ;
[пер. с англ. А. Ф. Фроловой]. — Москва : Издательство
АСТ, 2018. — 352 с. — (Шарм).

ISBN 978-5-17-111428-2

Принцесса маленького немецкого княжества Луиза, чудом уцелевшая во время кровавого переворота, вынуждена в мужском костюме бежать в Англию. Там ей удастся под видом юноши занять место секретаря графа Сомертона — мужественного, бесстрашного человека, состоящего на тайной службе ее величества.

Защитить Луизу, вернуть ей трон вполне по силам матерому агенту.

Однако никакой шпионский опыт не может уберечь графа от очарования чудесной девушки, неожиданно пробудившей в его очерствевшем сердце глубокую нежность и страсть...

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

© Juliana Gray, 2004

© Издание на русском языке AST
Publishers, 2018

ISBN 978-5-17-111428-2

Пролог

Хольштайнский собор

Хольштайн-Швайнвард-Хунхоф, Германия

Октябрь 1889 года

Поспешно вызванный сотрудник похоронной конторы перепутал туфли на ногах ее мужа, и Луиза могла думать лишь о том, что их необходимо поменять местами.

Бедный Петер не должен отправиться в лучший мир, имея на правой ноге левую туфлю, а на левой — правую. Хотя в каком-то смысле это очень уместно. И прекрасно характеризует Петера. Этот высокий худой нескладный мужчина с большими, слегка оттопыренными ушами и в очках с толстыми линзами, вечно уткнувшийся в книгу, никогда, по крайней мере до их свадьбы, после которой Луиза наняла для него хорошего лакея, не надевал носки одинакового цвета. Его галстук постоянно окунался в суп, правая манжета — в чернила, а во время их брачной ночи в прошлом июне он...

Впрочем, это не важно. Он все понял сам, заглянув в книгу по анатомии. Но все равно он был ее мужем, принцем-консортом Хольштайн-Швайнвард-Хунхофа, и заслуживал внимания. Он должен выглядеть достойно, а не так, словно ноги отрубили и поменяли местами.

Луиза сделала знак священнику.

— Да, ваше высочество? — тихо прошептал он.

— Позаботьтесь, чтобы принцу-консорту правильно надели туфли, прежде чем начнется публичное прощание.

Священник покосился на пару гробов, стоящих у алтаря Хольштайнского собора.

— Конечно, ваше высочество, — проговорил он.

Выполнив свой долг по отношению к Петеру, Луиза обратила внимание на другой гроб, в котором лежало тело ее отца, легендарного князя Рудольфа. Он был потрясающе красивым, решительным и энергичным мужчиной. Правда, он так и не сумел произвести на свет законного наследника мужского пола, и вовсе не потому, что не старался. И четыре жены, каждая из которых была моложе предыдущей, не смогли ему в этом помочь. Рядом с ним его зять казался карликом. Плечи князя Рудольфа были в два раза шире, шея — толще, бедра — массивнее. Даже его нос был устремлен вверх с большей уверенностью в себе. Его погребальные одежды были отделаны мехом горностая, а туфли, конечно же, не были перепутаны.

«Проснитесь! Встаньте! — Луиза мысленно обратилась к мужчинам, лежащим в гробах. — Вы не можете быть мертвы. Еще два дня назад вы прогарцевали на роскошных конях по двору и, выпив по прощальному кубку вина, поскакали по опавшей листве в Швайнвальд. Вы подгоняли коней, вдыхали прохладный чистый воздух. Вы были живы».

Живы.

Мужчины, лежащие в гробах, оставались неподвижными. Ни одна ресница не дрогнула. Лица были застывшими, словно восковые маски.

Справа от себя Луиза услышала сдавленное рыдание. Наверное, это Стефани, ее младшая сестричка. Эмили всегда вела себя со сдержанным достоинством, не показывая своих чувств.

Снова слышались рыдания, на этот раз за спиной Луизы.

Одна из плакавших женщин, несомненно, была баронессой фон Карпельтунель. Все знали, что ее муж, барон, является отцом только двух из ее пятерых детей.

И словно прорвалась плотина — придворные дамы и горожанки, пришедшие в собор, чтобы проститься с королевскими особами, громко зарыдали. Их голоса эхом отражались от стен Хольштайнского собора. Официальные возлюбленные, случайные любовницы и многочисленные безымянные девицы, которых князь Рудольф использовал как удобные инструменты для получения чувственного наслаждения, оплакивали его уход на небеса.

Луиза перекрестилась и поднялась с колен. Теперь она стала правительницей Хольштайн-Швайнвард-Хунхофа и была обязана прекратить столь недостойное проявление эмоций.

Она кивнула священнику и подошла к гробам.

В соборе громко зазвучал орган — подарок герцога Олимпии, брата первой английской супруги князя Рудольфа, по случаю бракосочетания сестры. Луиза остановилась рядом с гробом отца. Возможно ли, что в этом не утратившем своей красоты теле больше нет души князя Рудольфа?

«Auf wiedersehen», — мысленно проговорила она и сама удивилась тому, что обратилась к отцу по-немецки. В семье говорили только по-английски. Князь Рудольф учился в Англии, его супруга была англичанкой, и они обычно каждое лето проводили в Англии, навещая родственников.

Но последнее прощание было произнесено по-немецки.

Auf wiedersehen. До встречи.

Сестры стояли за спиной Луизы, ожидая своей очереди отдать последнюю дань уважения отцу. Луиза перешла ко второму гробу.

Петер. Ее старый друг. Ее супруг. Зимой, последовавшей после смерти в родах четвертой жены князя Рудольфа, отец как-то раз призвал Луизу в библиотеку и сказал, что отказался от надежды произвести на свет наследника и потому сделает ее наследницей престола, — по этому поводу будет проведена соответствующая государственная церемония. Ей придется сразу выйти замуж, чтобы народ не сомневался в сильном лидерстве, равно как и в том, что престол не останется без наследника.

Да и какие подданные не порадуются королевской свадьбе?

Отец выбрал для нее Петера, и Луиза не возражала. Она знала его всю свою жизнь — сына принца соседнего Баден-Черрипита. Парень был очень милым, во всяком случае, в сравнении с большинством других джентльменов, и довольно красивым, если, конечно, убедить его прибегнуть к услугам лакея. Да и какой смысл возражать? В конце концов, она — принцесса и всегда знала, что принадлежит государству, народу Хольштайн-Швайнвальд-Хунхофа, а не себе. Такова была цена ее привилегий. Ее долг. Она же не жалуется, что по утрам должна вставать и одеваться. Или дышать.

Луиза всмотрелась в застывшее лицо Петера, в его худое тело, облаченное в пышные погребальные одежды, и почувствовала холодную ярость. Петер тоже выполнял свой долг. Он женился на ней, выдержав скучнейшую трехчасовую церемонию, переехал в Хольштайнский замок, без жалоб взял на себя обязанности принца-консорта.

И только для того, чтобы нарваться в лесу на засаду. Его застрелили, словно бродячую собаку, и бросили умирать.

Рядом с ней тихо плакала Стефани, уткнувшись лицом в белый кружевной платочек. Плечи Эмили сотрясались.

И только Луиза не плакала. Слез не было. Она не хотела терять время на бесполезную скорбь.

«Auf wiedersehen», — мысленно сказала она Петеру, отвернулась и пошла по центральному проходу собора, не глядя по сторонам. Ее сестры и группа священнослужителей поспешно направились за ней.

Воздух был прохладным, как это всегда бывает ранней осенью. Вдали над крышами возвышались увенчанные шапками снега Альпийские горы. На площади перед собором собрались тысячи людей. Луизу встретили зловещим молчанием. Интересно, это их дань уважения погибшему принцу или они не одобряют ее в роли новой правительницы? Что владеет толпой на Соборной площади — почтительная симпатия или возмущенное недовольство?

В некотором отдалении ожидала длинная вереница карет. Луиза направилась к самой первой из них — карете принца Хольштайн-Швайнвальд-Хунхофа, — которая теперь по праву принадлежала ей. Карете было уже двести лет, но каждый год ее заботливо ремонтировали и подкрашивали под бдительным присмотром главного кучера. Бархатной обивкой занимались специально обученные швеи. Лакей открыл дверцу и помог Луизе подняться по ступенькам. Она села на мягкие подушки. Одна.

Впрочем, она была не совсем одна. Прятавшийся среди подушек на противоположном сиденье Куинси поднял голову и жалобно взвыл. Его тонкий хвостик несколько раз стукнул по подушке.

— Чего ты ждешь? — Луиза протянула руки, и маленький корги прыгнул ей на колени. — Ты дрожишь, бедный малыш. Успокойся, все в порядке.

Карета тронулась. Через окна Луиза видела двух сопровождающих ее верховых. Их парики курчавились, золотые галуны сверкали. Осеннее солнце заливало мостовые, кирпичные стены жилых домов и магазинов, строгие римские колонны городской ратуши, элегантный мраморный фасад новой гостиницы...

Луиза выпрямилась и потянулась к окну. Сидящий на ее коленях дрожащий Куинси снова нервно взлаял. Она машинально погладила песика.

Недавно построенный отель «Хольштайн» располагался на Баденштрассе.

Эта улица вела не к замку, а от него.

Она постучала по крыше:

— Эй, вы!

Ответа не последовало.

Она постучала еще раз.

Карета набирала скорость. Скакавший за левым окном верховой пустил лошадь с медленной торжественной рыси в галоп. Только сейчас Луиза обратила внимание на грубые черты лица под белым париком и церемониальной шляпой.

Это лицо было ей незнакомо.

— Что случилось, Куинси? — Она посмотрела на испуганную собачонку, а потом снова в окно. Куинси вскочил на тоненькие лапки и визгливо залаял. Луиза обняла маленькое тельце собачки одной рукой, а другой потянулась к дверной ручке. Когда ее пальцы коснулись гладкого дерева, карета резко свернула за угол. Теперь было очевидно, что они направляются к выезду из города, к открытой дороге и Швайнварду, где были убиты ее отец и муж.

Эта мысль была последней. Центробежная сила бросила ее к противоположной стенке кареты, Луиза сильно ударилась головой и потеряла сознание.

Глава 1

Лондон

Ноябрь 1889 года

Граф Сомертон откинулся на спинку стула и уставился на побледневшего мужчину, стоящего на краю антикварного ковра перед его столом.

Конечно же, тот стоял. Всякие мелкие сошки не должны чувствовать себя комфортно в его присутствии.

Граф позволил напряженному молчанию зажить собственной жизнью, стать третьим существом, присутствующим в комнате, сгущающимся облаком ожидания.

Мужчина беспокойно переминался с ноги на ногу. По его щеке, вдоль тонкого вертикального шрама, медленно стекала капелька пота.

— Вам жарко, мистер Нортон? Мне кажется, что здесь довольно прохладно, но, если хотите, можете открыть окно.

— Нет, спасибо. — Голос Нортона отвратительно дрожал.

— Может быть, немного шерри? Чтобы успокоить нервы?

— Нервы, сэр?

— Да, мистер Нортон. — Сомертон улыбнулся: — Точнее, ваши нервы, поскольку я считаю, что никто не может прийти с докладом о таком грандиозном провале, как ваш, не чувствуя хотя бы легкой нервозности. — Его голос разил, словно кинжал.

Нортон судорожно сглотнул. Его адамово яблоко дернулось.

— Сэр...

— Слушаю вас. Что вы хотите сказать? Сэр, я проявил вопиющую некомпетентность и понимаю это. Или, может быть, сэр, мне ничего не известно о фатальных последствиях неудачи в этом деле. — Он снова улыбнулся: — Так просветите же меня скорее, если вам не трудно, мистер Нортон.

— Сэр... Да, мне очень жаль, что я... в ходе...

— Вам жаль, мистер Нортон, что вы позволили моей жене, графине Сомертон, женщине, совершенно не сведущей во всевозможных уловках и ухищрениях, прошлой ночью каким-то образом ускользнуть от вашего старательного наблюдения. — Граф подался вперед и забарабанил пальцами по столу: — Иными словами, сбежать от вас, мистер Нортон.

Нортон достал из кармана платок и вытер пот с висков. Его узкое и совершенно не примечательное лицо — такая внешность очень полезна, учитывая выбор профессии, — стало землисто-серым.

— Сэр, я осмелюсь предположить, что леди Сомертон... что ваша супруга умнее, чем...

Сомертон громко стукнул кулаком по столу:

— Она моя жена, Нортон, и она сбежала от вас.

— Сэр, за все недели, что я вел за ней наблюдение, леди Сомертон не вызвала никаких подозрений. Она никуда не ездила — только к своей кухне леди Морли...

— Которая, несомненно, ей во всем помогает. И она время от времени следила за мной, разве нет?

— Да, но...

— Это значит, что у нее нет ни благоразумия, ни понятия о приличиях.

Массивная челюсть Нортона задвигалась. Он опустил глаза и принялся изучать антикварный ковер.

— Сэр, я чувствую...

— Вы чувствуете? — рявкнул Сомертон. — Вы чувствуете, мистер Нортон? Позвольте заметить, что ваши чувства не имеют ничего общего с моими делами. Моя супруга, графиня Сомертон, состоит в любовной связи с другим мужчиной. Причем я считаю, что она переписывается с ним уже очень давно, возможно, со дня нашей свадьбы. Ваша задача — единственная задача, которую я поставил перед вами, лучшим сыщиком Лондона, — получить доказательства этой связи и принести их мне. Вам платят не за то, чтобы вы чувствовали.

— Сэр, я...

— Посмотрите на меня, мистер Нортон.

Эразм Нортон, самый ловкий и грозный убийца на Британских островах — известно, что он убивал одним точным ударом в голову, — поднял глаза и взглянул на собеседника. На короткое мгновение в груди графа мелькнуло нечто вроде сожаления.

И исчезло.

— Поверьте мне, мистер Нортон, — сказал Сомертон самым любезным тоном, на какой был способен. — Я прекрасно вас понимаю. Она очень красивая женщина, не правда ли? Красивая и грациозная. Глядя, как она невинно улыбается или занимается своими обычными делами, ни за что не подумаешь, что она может опозорить кого бы то ни было, не говоря уже о собственном муже. Я вижу, что вы тоже оказались под действием ее чар, и вряд ли могу вас за это винить. Я и сам совершил такую же ошибку, быть может, даже более тяжелую — ведь я женился на ней. — Слово «женился» он не проговорил, а прорычал.

— Если мне будет позволено сказать, сэр...

Сомертон встал.

— Вам платят за то, чтобы вы отбросили все чувства, мистер Нортон, все ошибочные представления и сделали

дело. Иначе мне придется подумать о средствах, с помощью которых ваши чувства можно будет насильственно извлечь из вашего некомпетентного сердца. — Он подался вперед и понизил голос: — Вы меня поняли, мистер Нортон?

— Но, сэр! — Нортон встрепенулся и стал похож на возмущенного попугая. — Она невиновна! Я могу поклясться жизнью!

— Невиновна? — взорвался Сомертон. Всю жизнь он боролся со вспышками неконтролируемой ярости, и теперь от прилагаемых титанических усилий его даже бросило в жар. — Я вас правильно понял, Нортон? Вы хотите сказать, что я ошибаюсь в отношении собственной жены?

Нортон открыл рот и сразу закрыл его.

— Не то чтобы вы ошибались, сэр... Это не вполне правильное слово... Просто я...

Сомертон медленно обошел стол. Нортон замолчал, следя глазами за передвижениями графа.

Сомертон остановился в нескольких дюймах от долговязой фигуры Нортонна. Они были примерно одного роста. Вблизи их можно было принять за братьев — оба высокие, крепко сбитые, мускулистые. А их физиономии могла бы назвать приятными только беззаветно любящая мать.

Вряд ли кто-то взялся бы утверждать, что женщина, давшая жизнь Сомертону, была таковой.

— Мистер Нортон, — сказал он, — по-моему, наш разговор затянулся. Или вы выполните свою работу, или вернете все полученные вами деньги. Другого варианта нет. Мы уже работали вместе и раньше, и вам хорошо известны мои правила.

Темные глаза Нортонна сверкнули. Он дважды моргнул.

— Вы можете идти.

Нортон повернулся и направился к двери. Сомертон провожал его взглядом, пока мужчина не подошел к двери, и снова его окликнул:

— Да, еще одно, мистер Нортон.

Тот замер, ухватившись за дверную ручку.

— Я заметил, что вы позволили леди Сомертон время от времени следить за мной по вечерам, когда я занимаюсь делами. Это опасное занятие.

— Я ни на секунду не упускал ее из виду, сэр, находилась к ней так близко, как только можно, не обнаруживая себя, — сказал Нортон от двери.

— Позвольте мне прояснить один момент: если с головы леди Сомертон упадет хотя бы один волосок, вы умрете, мистер Нортон. Я сделаю это лично. Вы меня поняли?

Нортон еще крепче сжал дверную ручку, словно опасаясь, что его унесет ледяным ветром, исходившим от Сомертона.

— Я вас понял, сэр.

— Прекрасно.

Лорд Сомертон снова сел, больше не обращая внимания на посетителя. Дверь открылась и закрылась, тихо скрипнув, и в комнате воцарилось молчание. Глубокую тишину нарушало только ритмичное царапанье пера Сомертона — он заканчивал письмо, от которого его отвлекло появление Нортон.

В дверь постучали.

Граф поставил свою подпись, внимательно прочитал написанное, промокнул чернила на странице и только после этого ответил:

— Войдите.

В дверном проеме показался лакей:

— К вам мистер Маркем, сэр.

— Мистер Маркем?

— Претендент на должность секретаря, сэр. — Голос лакея едва заметно повысился на слове «сэр», превращая утверждение в вопрос. И слуги, и пэры королевства, как правило, прибегали к этой голосовой уловке, обращаясь к лорду Сомертону. Он никак не мог понять почему.

— Пусть войдет.

Сомертон сложил письмо, вложил его в конверт и сам написал адрес. Ему надоела эта скучная и отнимающая много времени работа. Хорошо бы новый претендент оказался подходящим малым. Впрочем, надежда на столь благополучный исход была слабой. По непонятной причине ему катастрофически не везло с секретарями.

Лакей растворился в полумраке холла. Сомертон взял список, подготовленный час назад, — еще одна работа, от которой ему очень хотелось бы освободиться, — и поставил маленькую галочку напротив слова «Ирландия». В списке осталось еще два слова: «секретарь» и «жена».

Теперь он займется первым. О втором граф предпочитал не думать.

В камине потрескивали угли. На этой неделе в Лондоне стало прохладнее и привычные миазмы желтого тумана сделались гуще, окутывая плотной завесой улицы и здания столицы, — миллионы дымоходов выбрасывали столбы дыма во влажную атмосферу. На следующей неделе предстоял переезд в Сомертон-Хаус на рождественские праздники. Каждый день охота, каждый вечер выпивка. Бесстрастное лицо супруги за столом, монотонный голос сына, отвечающего «да, сэр» или «нет, сэр» на немногочисленные вопросы, которые Сомертону удавалось придумать.

В общем, все как обычно.

Дверь открылась. Сомертон сцепил пальцы.

— Ваша милость, мистер Маркем.

В комнату вошел молодой человек.

— Доброе утро, мистер Маркем. — Сомертон взглянул на часы, стоящие на каминной полке. — Надеюсь, час для вас не слишком ранний.

— Вовсе нет, ваша милость. Спасибо за то, что согласились встретиться со мной. — Мистер Маркем вошел в круг света, отбрасываемого лампой, и что-то в животе Сомертона дрогнуло.

Несварение, должно быть.

Все претенденты на должность личного секретаря графа Сомертона были молодыми людьми. Но этот оказался моложе всех. Ему было никак не больше восемнадцати лет. Простой черный шерстяной костюм выглядел на его мальчишеской фигуре слишком свободным. Лицо было удивительно гладким, без каких-либо намеков на усы или бороду. Темно-рыжие волосы тщательно уложены и покрыты толстым слоем помады. Симметричное лицо этого мальчика с тонкими изящными чертами было изысканно красивым.

Но в его движениях не было ничего мальчишеского. Расправив узкие плечи, он прошагал к центру ковра, остановился и сообщил твердым звучным альтом:

— Я пришел на собеседование. Хотел бы занять место вашего секретаря.

Сомертон отложил ручку, проследив, чтобы она лежала строго перпендикулярно краю стола.

— Знаю, мистер Маркем. Вчера я прочитал ваши рекомендации. Их довольно много для такого молодого человека. Удивительно много.

— Надеюсь, вы удовлетворены, сэр, — заявил юноша. Самоуверенный и дерзкий маленький ублюдок.

Не то чтобы Сомертон считал самоуверенность недостатком. Секретарь должен подходить к своей работе с убежденностью. Именно это качество способно распахнуть перед ним многие двери. Самоуверенный человек легко сделает то, что не удастся робкому.